

NEXT: БУДУЩЕЕ ГОРОДА/БУДУЩЕЕ РЕГИОНА

А. Е. Левинтов**ГОРОД БУДУЩЕГО: ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ**

Данная статья написана в ходе исследования по теме «Отдаленное будущее и его требования к образованию». Во многом эта работа и статья нацелены на онтологизацию представлений о предстоящем, на креативную, эвристическую составляющую этих представлений, а, стало быть и неизбежно, на шокирующий эффект для тех, кто видит будущее, как продолженное настоящего или тренд, тянущийся из прошлого.

Будущее всегда контрастно настоящему, и отдаленность будущего определяется не хронологически, а по контрасту и инаковости с настоящим [5]. Будущее не всегда и не во всем вытекает из прошлого и настоящего — оно может приходиться из ниоткуда. Настоящее будущее — только из ниоткуда. Мы никуда не денемся в будущем от «проклятых вопросов», но сумеем задать себе новые «проклятые вопросы». В будущем будущего будет еще больше.

Город — отражение социальной жизни [2], а потому при обсуждении города будущего бесполезно обсуждать архитектурно-градостроительные вопросы до определения социальных предположений, ожиданий, проектов, теорий, онтологических представлений. Город, в том числе и город будущего, является саморазвивающейся системой. Если капиталистический город был такой саморазвивающейся средой за счет денег (Ф. Бродель утверждал, что товар в городе продается до восьми раз, вовлекая в свой оборот и людей, и деньги и инфраструктуру), если советский (социалистический) город не имел собственных целей и, следовательно, самостоятельного вектора и потенциала развития, то город будущего будет саморазвиваться за счет своей креативной природы и как креативная, в том числе инновационная среда.

Последней теме и посвящена эта работа.

Город ненаёмных занятий

Со Средневековья мы привыкли к тому, что в городе доминирует наемный труд. После Реформации наемный труд стал не только основной формой занятия горожан — в нем сосредоточилась новая, протестантская этика, воцарился дух капитализма и утвердился *industria*, аскеза трудолюбия: Европа вступила в рыночную экономику.

Однако наемный труд до этого практически вообще отсутствовал. В античных городах Эллады, Рима, вообще Средиземноморья и Востока трудились рабы, и, уж, конечно, не по найму. Свободные люди предавались занятиям, за которые, по свидетельству Цицерона, получать плату считалось зазорно и неприлично. Допускалась также служба: государственная, городская, культовая — за это не платили, но более или менее адекватно компенсировали потерю времени и сил. Служить богам или Богу за плату выглядело святотатственно, как впрочем, и фараону, царю, басилевску, кесарю, императору и т.п.

В имя наемного труда мы сильно сократили возможности и направления своих ненаёмных занятий, прежде всего семейных. Особенно это коснулось женщин, буквально насильно вытесненных из дома на рынок труда.

Город будущего — это отказ от доминанты наемного труда в таких сферах, как:

- семья
- хозяйство
- творчество
- хобби
- фриланс
- помощь и волонтирство
- совместные дела
- самообразование

— и другие. Превращение наемного труда как источника существования в занятие как интеллектуальную и личностную капитализацию — вот ценностной смысл отказа от наемного труда и аскезы индустрии. Когда мы откажемся от протестантской идеи спасения в наемном труде, только тогда мы и перейдем в постиндустриальное общество [6].

Двадцатый век, а, точнее, технологизация процесса производства, а затем и других процессов, стал веком массового перехода трудящихся в разряд служащих: встроенные в технологические процедуры и операции, люди перестали видеть, ощущать и отвечать за результат своего труда, только за сам процесс труда, измеряемый повременнo (например, почасовой) системой оплаты. Ритмика технологического процесса стала лейтмотивом организации всей городской жизнедеятельности, расписаний личной жизни, работы транспорта, городских служб и бизнесов. Технологизация охватила не только производственную и трудовую деятельность, но и отдых, рекреацию, общественные и интимные стороны жизни.

В этом смысле городская жизнь стала похожа на сельскую, где агроцикл воспроизводства (хозяйствования) чётко задает темп и ритм всей жизнедеятельности, вплоть до свадеб, зачатий, рождений и даже смертей.

Мы утратили в городах столь ценимую нами и столь контрастную физиологии и вообще биодности человека аритмию жизни с её спонтанными всплесками, озарениями, вспышками вдохновения, городская жизнь и планировка городов стали уныло монотонными, предсказуемыми как приход немецкого трамвая — строго по расписанию. Практически своими городами мы сами стали угнетать собственную креативность и вспыльчивость труда и творения [7].

Современный город вернул нас в мужское, хозяйственное время, одеревенелся, а нам нужно векторальное — капризное и кокетливое — женское время во всей непредсказуемости и загадочности подлинно городской, карнавально-маскарадной жизни.

Город будущего должен вернуть нам нашу спонтанность. Город должен быть интересен, а, стало быть, и эстетичен:

«Интересное — это пограничная категория, она разделяет эстетику и этику. Поэтому данное исследование должно будет постоянно вторгаться в сферу этики, хотя, чтобы претендовать на какое-то значение, проблема должна рассматриваться с эстетическим внутренним чувством и страстностью

Латинское происхождение «интересного» не вызывает ни малейших сомнений, но это означает, что этимологически «интересное» это то во внешнем мире, что мы впускаем вовнутрь себя. Внутри нас нет ничего интересного, по крайней мере, нам самим. Как подтверждает вся последующая экзистенциальная философия и литература, основное состояние нашего внутреннего мира — скука одиночества, которую можно прогнать или заполнить только творчеством, автопоэзисом, самотворением, нередко преступным.

В связке с сокрытием интерес вызывают, согласно Аристотелю («Поэтика»), резкий поворот сюжета (завязка тайны) и узнавание (раскрытие тайны, развязка): узнавание является раскрытием, развязкой, сокрытость — это напряжение в драме жизни. Эти два момента можно также интерпретировать как шаг судьбы и последующее понимание нами этого шага.

Несмотря на всю суровость, с которой этика требует явленности, невозможно отрицать, что таинственность и молчание, собственно, и приобщают человека к величю, именно потому, что они суть определения внутреннего. И именно этой сокрытости требует эстетика. Перед Авраамом опять встаёт выбор между этическим требованием на разглашение своих намерений и действий и эстетическим требованием молчания и

сокрытия, переживания происходящего в самом себе, неразделённо с другими, экзистенциально. Но в творчестве, этом экзистенциальном пребывании в эстетике, мы не можем молчать и выражаем себя по этическим соображениям — а публичность этого выражения уже вторична, необязательна и несущественна: «у царя Мидаса ослиные уши» сказано в тростниковую трубочку, и не забота сказавшего, что тростинка потом пропела во всеуслышанье» [3].

Город как гарант свободы и одиночества

Существование человека, в отличие от его бытия и бытийствования, проходит в одиночестве и даже покинутости Богом, потому что в единении с Богом исчезает трагическое напряжение экзистенции. Но именно это состояние одиночества и есть свобода. Мы не вторгаемся ни в чью свободу своей свободой, поскольку начинаем обретать свою свободу по мере и в глубине своего одиночества. «Свобода одного кончается там, где начинается свобода другого» — утешительная чушь, поскольку одиночества не соприкасаются и не пересекаются, поскольку такая свобода слишком социальна для настоящей свободы.

Монашество — вот путь одиночества и освобождения, когда человеком движет не общественный, а внутренний долг.

Современный город полон суеты. Город будущего должен гарантировать горожанину сосредоточенность на себе. Как средневековые города спасли для европейцев чуть было не утерянную в сетях феодализма свободу, так и город будущего должен освободить горожан, каждого ото всех других¹.

Городское общение и коммуникация в городе

Необходимо различать социальное, бытовое, коммунальное общение как обмен новостями и сплетнями, просто болтовня, пересуды и прочие комфортные и бессодержательные/бессмысленные формы стадности, а также коммуникацию как ресурс мышления.

Общение эгалитарно, коммуникация элитарна. Общение держится в одном хронотопе и всегда актуально, актуабельно, коммуникация свободна от временных границ и условностей.

Чем расслабленней и необязательней городское общение, тем напряженней и строже должна быть коммуникация в городе.

¹ Это, разумеется, не отмечает принципа средового существования креативного индивида [1].

Общение — одна из ценностей, ради которой и затеваются города, коммуникация — материал градостроительства.

Современный город сконцентрировал среду общения в рабочем, семейном и Интернет-пространстве, сам город перестал быть средой общения, а потому и коммуникация утратила свой градостроительный потенциал: теперь города возникают по поводу чего-то другого (например, промышленного предприятия, порта и т.п.), а не для общения человека с людьми и Богом.

Город как клуб

Общепит, торговля и сервис (например, бани, фитнес-центры, парикмахерские, салоны красоты и т.п.) созданы для покупателей и клиентов, а не ротозеев и балагуров, они заинтересованы в проточности посетителей и в скорости выколачивания из них денег. Разумеется. Тут имеются серьезные культурные различия: во Франции можно просидеть с чашечкой кофе два часа, в Америке и России идея фастфуда главенствует: поел — выпил — помылся — постригся и проваливай.

Если в советское время формы клубного необязательного, случайного общения устойчиво существовали: в банях, пивных, очередях, поездах, то теперь эти формы как случайные практически исчезли.

Третье место в городе

В ежедневном маятнике «дом-работа» должна быть точка action crisis, остановка, между конечными станциями жития: вечерний паб, утреннее кафе, парковая скамейка или шезлонг, фитнес-клуб или релакс-клуб, автомобильная пробка, застрявший лифт или хотя бы место для курения.

Чем больше в городе третьих мест и чем они разнообразнее, тем больше город — город, а не архитектурно-планировочное недоразумение.

При этом следует выделять **добровольное** и **вынужденное** третье место. Если в паб мы приходим добровольно и потому наша ответственность здесь мало, что значит — достаточно соблюдать приличия хотя в самых скромных дозах (в России даже это необязательно), то вынужденное третье место накладывает на нас достаточно высокую меру ответственности. Наиболее распространенный вид вынужденного третьего места — соседст-

во: с соседями можно не общаться, но прийти к ним на помощь или проявить сочувствие, соболезнование во время бедствия мы обязаны.

Второе жильё — мечта и реализация своего Я-иного

В городе мы жаждем иметь себе Я-Иного как основного своего коммутанта. Для многих Бог и Я-Иной порой даже совпадают, но если и нет этого совпадения, мы нуждаемся в выращивании и воспитании своего Я-Иного. Именно для этого и существует второе жильё: за городом ли, в городе ли, или совсем в другой стране. Мы отправляемся в свое второе жильё и пребываем там и... порой не знаем, какое наше жильё подлинное — первое или второе... или вторые, потому что мы умеем плодить несколько Я-Иных и все они — подлинные. Город будущего существует для нас и для наших Я-иных, у каждого из которых своё жильё и своя подлинность жизни.

При этом Я-Иной может существовать и как некая мечтательная конструкция несостоявшегося Я и несостоявшейся жизни, и реализация этой мечты.

Места маленьких ролей

Сюда же относится и потребность в маленьких ролях, не служебных и не семейных. Эти маленькие роли несомасштабны нашим ежедневным социальным ролям, поэтому мы играем эти роли лишь время от времени, по мере накопления желания сыграть — в кордебалете, миманса, «кушать подано» или коллективной роли толпы. Для этого подходят:

- трибуна стадиона
- театральный зал
- ныне увядшая традиция поездок «на картошку» на одну-две недели
- Майдан
- что-то иное

Тут много и часто не надо, но надо, чтобы это хоть изредка было, и мы вышли бы из привычного нам эгоцентрического мира и отступили от рампы куда-то поближе к карманам и кулисам.

Перисферность

Сегодня значимость человека определяется его достатком/богатством, знаниями, статусом — этого в будущем будет уже мало и всё это будет малозначащим.

Развитие сетевых коммуникаций, постепенная трансформация поло-возрастной структуры населения с пирамиды основанием внизу на пирамиду основанием вверху, размывание иерархий как на государственном уровне, так и в бизнесе и общественных организациях приведет и ментально и организационно к увеличению ответственности каждого члена общества, роли каждого человека, его самооценке и самоидентификации как заметному явлению не только для него самого, но и для всех окружающих.

Если в настоящее время основным индивидуальным социальным движением является лифтинг, продвижение наверх (вверх по образовательной лестнице, вверх по карьерной лестнице, вверх по культуре, вверх по семейному статусу, вверх в профессиональном сообществе и признании, вверх по зажиточности, богатству, владению имуществом и недвижимостью, вверх по лестнице власти, славы, популярности и т.п.), то в обществе отдаленного будущего это же движение станет горизонтальным, и успех будет определяться тем, как далеко и в каких сферах жизни распространяются коммуникации и влияние того или иного индивидуума, насколько гетерохронен, гетерогенен и гетерархирован, а стало быть хаотичен («Зг-хаос») его мир и насколько он смог его упорядочить («окосмичить») и образумить силой собственного интеллекта, прежде всего, интеллекцией понимания (= насколько ему самому и окружающим понятен созданный им космос). Социальной характеристикой человека станет его *перисферность* — созданный и постоянно трансформируемый им мир коммуникаций, связей и влияний. Перисферность станет мерилем успеха и даже осмысленности существования большинства.

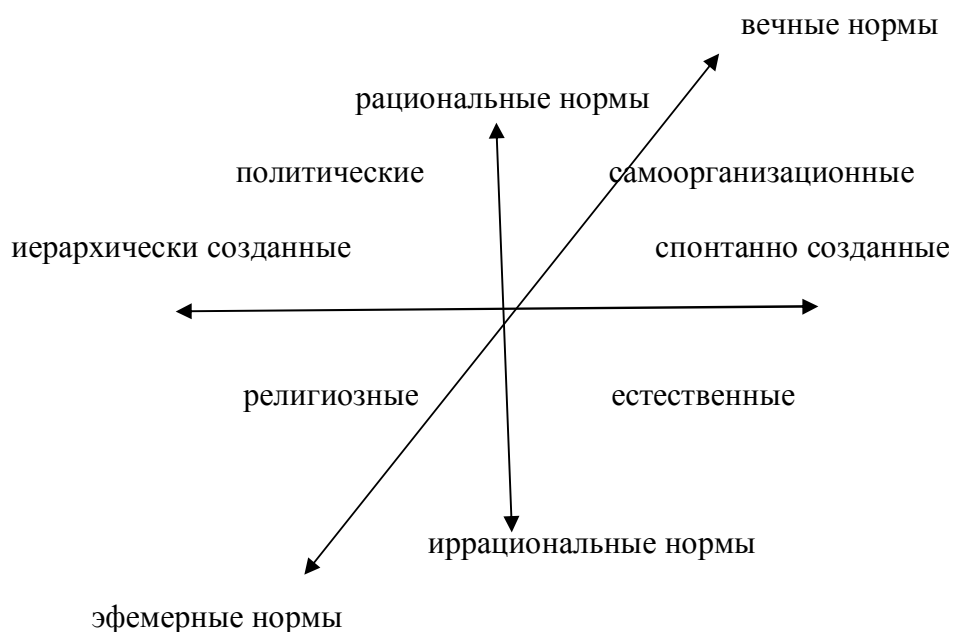
Протестным, оппозиционным течением этому мейнстриму станет аристократия молчания, откровенное меньшинство общества.

Моды, медианы и нормалы городской жизни

Горожанин, в отличие от негорожанина, живет одновременно во множестве культур (этнической, профессиональной, семейной, корпоративной и т.д.), а потому весьма сложной координатной сетке норм.

Пространство норм, построенное Ф. Фукуямой [8, 9, 10], дополненное векторами вечные нормы («не убий») — эфемерные нормы (например, кавалер держал даму справа от себя, потому что на левом боку — шпага, сабля, рапира или другое оружие, а

офицер — слева, чтобы мочь отдавать честь, не выпуская даму) может быть представлено следующим образом:

Нормы представлены законами, обычаями и нравами. Если установление законов имеет свою историю, начиная с законов Солона для Афин (8 в. до н.э.), то обычаи стихийны (это то, что встречается на каждом шагу в данном месте и жителями практически не замечается: жители многоэтажек обычно выбрасывают окурки из окон), как стихийны и нравы (моральные обычаи: проституция запрещена, но нравы портовых городов вполне допускают ее). Только это, нравы и обычаи, по мнению Геродота, и стоит изучать в разных городах.

Особенностью города будущего будет то, что нормы, законы, обычаи и нравы жители города будут осознанно устанавливать, соблюдать и изменять сами, не делегируя эти прерогативы власти и властным структурам.

Мода (поветрие или, говоря языком статистики, наиболее часто встречающийся вариант ряда, все эти «типичный москвич», «типичный парижанин» и всё тому подобное), а также медиана (значение признака, делящее этот признак на две равные по численности части: пресловутый «средний американец», «средний россиянин») в городе будущего просто исчезнут, поскольку оснований для описания и ранжирования человека окажется по числу параметров, показателей и признаков сопоставимо с численностью горожан. Нам придется технически, а не на уровне идеологии признать уникальность каждого человека.

Город как метафора, гипербола и притча

Город будущего — праздничный город. Будни и рациональная скука современных городов должны остаться здесь, в настоящем. Город — метафора (блуждание смыслов и символов, как блуждают туманы по холмам и мостам Сан-Франциско), город как твистер торнадо, только когда этот своеобразный твистер гипербола, огромное преувеличение человека и его талантов, город — притча (поучение и многосмысловое иносказание). Город должен перестать расти и развиваться сам и дать развитие своим жителям.

Инновационная экономика становится экономикой, только, если она формируется как твистер торнадо, только когда этот своеобразный твистер достигает земной поверхности и начинает затягивать в себя среду как материал. Повисший в воздухе, такой твистер очень напоминает «Сколково» [4]: причудливое и безопасное для загнивающей среды зрелище.

Город будущего — и сам по себе креативная, торнадоподобная среда и твистер, увлекающий за собой — в ноосферу — социально-экономический материал региона, страны и мира.

Список литературы и источников

1. Войцехович В. Э. Становление средовой парадигмы: от «Cogito» Р. Декарта до среды творения. // Междисциплинарные проблемы средового подхода к инновационному развитию. Институт философии РАН. Режим доступа: <http://www.reflexion.ru/Library/Sbornic-S2011.pdf>
2. Глазычев В. Л. Город без границ. — М.: Территория будущего, 2011. — 400 с.
3. Левинтов А. Е. Серен Кьеркьегор. Май 2010. Режим доступа: www.redshift.com/~alevintov
4. Лепский В. Е. Признаки и последствия недооценки роли средового подхода в инновационном развитии и модернизации России // Междисциплинарные проблемы средового подхода к инновационному развитию. Институт философии РАН. <http://www.reflexion.ru/Library/Sbornic-S2011.pdf>
5. Никитин В. А., Чудновский Ю. В. Основание иного. — К.: Optima, 2011. — 174 с.
6. Тоффлер Э. Третья волна. — М.: АСТ, 2010. — 784 с.
7. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. — М.: Классика-XXI, 2005. — 430 с.

8. Фукуяма Ф. Великий разрыв. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2008. — 475 с.
9. Фукуяма Ф. Доверие: Социальные добродетели и путь к процветанию. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. — 730 с.
10. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. — 588 с.